

- У вас мальчик!

Глаза молодой матери широко раскрываются, они светятся почти неземным счастьем.

— Мальчик! — тихо, как вздох, и в то же время ликующе радостно срывается из ее уст. — Это его сын — сын моего любимого мужа! О Отец Небесный, как я благодарю Тебя!

Юная мать с нежностью обнимает маленький сверток. Из него выглядывает личико — такое милое, такое нежное, что Герда с возгласом протягивает к нему руки, и пока она целует его, по щекам ее катятся слезы. Но она все еще так слаба, так слаба, ее руки падают вниз, и прислуга быстро забирает у нее ребенка.

— Его сын — сын моего Ганса! О, как я счастлива, что Бог исполнил мое самое заветное желание, что он дал нам сына и наследника. Как велико наше счастье — о, как бесконечно велико!

Глаза молодой матери снова устало закрылись. За это время она выстрадала больше, чем может вынести человеческое существо, и не раз с мольбой взывала: - Господи, положи конец моим мучениям! Ей довелось пройти через суровое испытание каждой женщин, прежде чем Господь наградил ее самой высокой наградой — честью матери!

Но в самые тяжкие часы ее жизни он, любимый муж, находился вдали от нее! Ничего не подозревая, он утром отправился в город, а тем временем у него родился сын.

О как он будет счастлив, когда он возвратится домой, как он будет счастлив!

Улыбаясь, с закрытыми глазами, лежит молодая жена, усталая и слабая после тяжелой, напряженной борьбы. В окно врываются золотые лучи солнца и окутывают ее молодую голову ореолом красоты.

— Мое дитя, — тихо шепчет она, — мое любимое дитя!

Вот слышатся звук шагов! Это он, ее Ганс! Почувствовав его взгляд, она с прелестной улыбкой смотрит на дверь, через которую он только что вошел.

Высокий мужчина — граф в самом расцвете сил. Он такой высокий, такой величественный — а она такая нежная, такая юная, такая прекрасная!

Улыбка мадонны озаряет ее лицо, когда она, простирая руки к любимому мужу, восклицает слабым голосом:

— Ганс, мой Ганс — Бог дал нам сына!

Граф с топотом шагов, от которых она тихо вздрагивает, бросается к ней.

— Неужели это правда, Герда — у нас родился сын?

И когда его взгляд падает на колыбель, в которой лежит ребенок, укутанный в тончайшие кружева, — по его лицу разливается горделивая радость.

— Мой сын — мой Гарольд! — радуется он и наклоняется, чтобы поцеловать его крошечные ручки. Его самое горячее желание — чтобы его жена родила сына — теперь исполнилось.

Затем его взгляд падает на молодую жену, которая улыбается ему с такой тоской. Ему уже

рассказали, как тяжело она страдала, как часто с тоской звала его.

Он берет ее за руки и коротко целует в лоб.

— Бедное дитя, как же тебе было страшно в столь трудные часы, а я даже не мог быть с тобой! Но теперь все позади!

Она прижимается к его груди в слезах. Она слишком глубоко взволнована, чтобы говорить. Слезы искренней радости наполняют ее глаза.

Он еще раз рассеяно кивает ей, а затем выпускает ее из своих объятий.

Она смотрит на него, и тревожный вздох вырывается у нее. О, как она ждала его возвращения домой, как она ждала, когда сможет воскликнуть ему, радуясь и восклицая:

— Бог дал нам ребенка, сына!

Как она жаждала, чтобы он с гордостью и радостью обнял ее и приголубил. В его объятиях она позабыла о своих страданиях, она радовалась вместе с ним великому счастью!

А он? Его глаза, должно быть, сияли от гордости, когда он увидел своего сына. Он тоже целовал и ласкал его — но у него нашлось лишь несколько слов утешения для нее, когда его губы коснулись ее лба.

Губы бедной женщины дрогнули. Неужели это и есть та минута счастья, которого она так страстно желала? О, как по-иному представляла она себе этот час!

— Не плачь, Герда! Все хорошо! Но сейчас ты должна отдохнуть! Душа моя, как ты бледна! Приятных снов!

Он провел правой рукой по ее щеке, еще раз взглянул на сына и с громким возгласом вышел из комнаты.

Смертельно уставшая, измученная, Герда закрывает глаза.

Молодая, благословенная мать! Когда она уже отдохнула и почувствовала в себе силы, она берет своего ребенка на руки и дает ему испытать из источника жизни. Переполненная чувствами, она смотрит вниз на маленького младенца, который так крепко прижимается к ее нежной груди, и в ее сердце возносится горячая молитва благодарения за то, что Бог сделал ее такой богатой и счастливой.

Ее любимчику уже исполнилось несколько дней, она не может нарадоваться малышу.

Уже вечер. Окна открыты, и в комнату врывается свежий весенний ветерок. Она думает только о том радостном времени, когда она снова сможет покинуть свою постель. О, как она будет лелеять тогда своего любимчика и вновь наслаждаться своим счастьем с Гансом!

Она одна. Служанка покинула комнату, и теперь молодая мать тихо лежит и слушает тихое бормотание маленькой девочки, которая вот-вот уснет.

Почему так долго Ганса не было с ней?

Почему он приходит так редко — и то лишь на несколько минут? Чувство страха внезапно сжало ее сердце. Разве мог бы он так относиться к ней, если бы любил ее? Разве он не должен был бы посвящать ей каждую свободную минуту? Что отдаляло его от нее?

Однако сразу же после этого она выругала себя за недоверие. Конечно, Ганс сейчас был занят делами ведь не может он забыть о своем долге хозяина поместья; она, конечно, сильно заблуждалась в своих сомнениях. И все же — однажды они, пробудившись в ней, никак не могли ее оставить.

Но что это? Что за девичий звонкий смех раздается в парке? Герда вздрагивает, ощущая звук смеха как укол в сердце. Он так отчетливо напоминает ей о ее кузине Элли. Теперь ей ясно представилось, что она видит перед собой цветущее лицо с горящими темными глазами и пышную, высокую фигуру своей юной родственницы.

Всего несколько недель назад бедная сирота укрылась в ее доме, попросив приюта. Герда из сострадания приняла ее. Но независимо от того, испытывала ли она к ней жалость или нет, у Герды вскоре возникла стойкая неприязнь к кузине, которая постепенно усиливалась. Откуда она взялась? Она не могла этого объяснить.

Опять этот веселый смех! Ей хотелось заткнуть уши, он мучил ее, и все же она вынуждена была слушать его против своей воли. Интересно, с кем она смеется? И в ответ раздался голос, голос ее Ганса. И как ласково, как нежно он звучит!

Кровь горячо приливает к сердцу молодой женщины. Пот струится по луб, и она вся дрожит. Неистовый страх овладевает ею.

Она закрывает глаза, нет, нет, нет, она не хочет думать ничего плохого о своем муже. И все же — снова этот чарующий и его нежный тон, которым он так редко обращается к ней. Это почти сводит ее с ума.

Она давно знает, что Элли флиртует с ее мужем, но твердо надеялась, что он не права. И теперь, когда она только что родила сына, о котором так мечтала, пройдя через невыразимые страдания — нет, нет, ему и в голову не придет предать ее.

— Ганс — перестань, не будь таким пылким, проказник! — снова донеслось до ее ушей, затаившей дыхание.

— Господи, Боже что это все значит? — шепчет Герда побелевшими от ужаса устами.

Ее сердце бьется так быстро, что кажется, оно вот-вот разорвется. Она не может больше лежать — она обязана убедиться, должна увидеть собственными глазами, что происходит между ними там, внизу!

Она не задумывается о том, какой опасности подвергает себя, когда резко вскакивает с постели — вся в поту — и бросается к открытому окну! Она лишь думает о нем, единственном возлюбленном, которого женщина пытается заманить в ловушку!

— Ганс, мой Ганс! — в смертельном страхе вырывается из ее бледных уст, — Не смей предавать свою бедную Герду!

Теперь она стоит у открытого окна. Кружится голова. Перед ее глазами все как в тумане, и она

со стоном хватается за оконную раму.

— Я должна знать — должна! Господи, помилуй меня! — задыхается она от боли в груди.

Взяв себя в руки, она наклоняется вперед и смотрит вниз, в парк. Там, перед ней, в зарослях кустарника, в беседке... Элли — и он, ее Ганс!

И тут он обхватывает руками сладострастную фигуру кокетливой девушки, страстно притягивает ее к себе и покрывает ее лицо жаркими поцелуями.

— Ты должна стать моей, прекрасная, восхитительная девушка — или я сойду с ума! слышит она его слова.

Герда еще больше наклоняется вперед; холодный ночной ветер обдувает ее влажное лицо. Вдруг она чувствует острую, жгучую боль в глазах и отшатывается назад.

— Великий Боже небесный, что это?

Обеими руками она хватается за глаза, в которых вдруг ощущает безумную боль. И с губ несчастной срывается стон: — Ганс — Ганс, что ты со мной сделал? Ты предал меня упав в объятия этой лживой девицы!

Помилуй, Господи, помилуй! — Я не хочу жить!

Она снова собирается с силами и высунулась из окна. Но что это? Она не может найти их! Она широко распахивает глаза — и тут — снова эта острая, ужасная боль.

Леденящий кровь крик пронзает тихий вечер.

Двое существ в беседке в ужасе отпрянули друг от друга.

— Это был голос Герды! — заикаясь, пролепетал виновник несчастья. Он смотрит на открытые окна, и его охватывает страшное предчувствие. словно подгоняемый фурией, он бросается прочь, в комнату жены.

Возле окна он видит лежащую на полу Герду — без сознания и бледную, как покойницу! Как молодое деревце, сломленное суровым ветром, едва успевшим распуститься цветом. Даже самый беспринципный человек был бы поражен увиденным.

Он берет ее на руки, несет в постель и посылает за врачом. Сильная дрожь сотрясает нежное тело несчастной женщины. С закрытыми глазами, громко стелая, лежит бедная, разбитая сердцем женщина, которая пожертвовала всем, всем ради любимого мужа и — в ответ — была им предана!

Наконец приезжает врач. Через некоторое время благодаря его усилиям бедная женщина приходит в себя. Медленно она снова открывает глаза.

Граф в ужасе отшатывается, встретившись с ее потухшим взглядом.

Несчастливая молодая женщина, охваченная страхом, мотает головой взад и вперед.

— Боже, Боже — почему вокруг меня так темно? Я ничего не вижу! Где мое дитя? Отдайте мне моего сына!

Ее странные слова поражают доктора. Он быстро подает ей ребенка из колыбели. Ее руки тянутся к нему, и, схватив, она поспешно прижимает его к груди.

Вдруг из ее уст раздается мучительный крик.

— Я не вижу своего ребенка! Она пронзительно закричала, дрожа, срывающимся голосом. — Сейчас ночь? Скорее, зажгите свет! Я хочу увидеть своего ребенка — или я сойду с ума!

В ужасе, потеряв дар речи, мужчины растерянно переглядываются. Они с трудом осмеливаются объяснить ужасное!

— Боже мой, Герда, что с тобой? Сейчас полдень!

— Полдень? Нет, нет, не может быть! Включите свет, — жалобно твердит молодая женщина. Однако внезапно она выпускает ребенка из рук и хватается руками за голову.

— О, мои глаза, мои глаза! — вскрикивает она. — Боже милосердный, я больше ничего не вижу — мои глаза погасли! Господи, Боже мой, я ослепла!

<http://tl.rulate.ru/book/92712/3019786>